

Особенности наименования испанских реалий в пьесе А.С. Пушкина «Каменный гость»

И.А. Балашова, К.С. Максюта
(Россия)

Resumen

Este artículo trata de revelar las particularidades de las referencias culturales españolas utilizadas por A. Pushkin en su obra “El convidado de piedra”. Inventando las formas de dichas unidades léxicas el poeta se basa en el criterio auditivo, tomando como punto de partida el lenguaje del Embajador de España, así como el de los hispanófilos rusos. La forma y el sonido de los realias se someten al ritmo de los versos, lo que crea una única gama de entonaciones.

Интерес Пушкина к Испании и ее культуре возник как следствие европейского и русского испанофильства первой трети XIX столетия (Багно, 2004, с. 149). Он выразился в ряде произведений поэта, и среди них пьеса «Каменный гость».

Автор драмы обратился к сюжету о Дон Жуане, образ которого в течение нескольких столетий волновал писателей, философов, художников и музыкантов. Первым литературным произведением о Дон Жуане, ставшим классическим, была пьеса «Севильский озорник, или Каменный гость» Тирсо де Молины. В 1665 году Мольер создал комедию «Дон Жуан, или Каменный пир», а в 1787-м Моцарт закончил оперу «Наказанный распутник, или Дон Джованни», либретто которой принадлежит итальянцу Лоренцо да Понте.

Создавая произведения также и на сюжеты западноевропейской литературы и культуры, Пушкин использовал географические названия. Новая его пьеса содержала ряд отступлений от принятых

сегодня норм написания. Таковы: «Мадрит» вместо «Мадрид», «Андалузия» вместо «Андалусия» и «Эскуриал» вместо «Эскориал». Исследователи наметили круг источников, откуда Пушкин мог заимствовать эти названия (Багно, 2004, с. 132–138). Однако изучения только письменных источников недостаточно для объяснения формы топонимов в пьесе.

В связи с особенностями названия поэтом перечисленных реалий отметим, что среди книг его библиотеки были издания на испанском языке и словари (Модзалевский, 1910, № 579, 827, 936 – 937, 1036). Отец поэта писал: «Справедливее бы прибавить, что он выучился в зрелом возрасте по-испански» (Пушкин, т.17, 1997, с. 85). К 1832 году относится выполненный Пушкиным перевод новеллы Сервантеса «Цыганочка» (Пушкин, т.17, 1997, с. 23).

Поэту, скорее всего, была известна пьеса Тирсо де Молины. В пушкинской драме герой наказан, и это соответствовало моралистической концепции испанского автора. Взяв эпитафю слова либретто оперы Моцарта, Пушкин этим указал на нее как на несомненный источник своей драмы. Но действие оперы происходит в Севилье, и она представлялась на итальянском языке.

Осмысленная написания ряда слов в пьесе поэта, обратимся к фактам его жизни. Находясь в Петербурге, Пушкин мог быть знаком с несколькими испанцами. И лишь об одном сохранились его личные свидетельства и воспоминания современников. В восьмой главе романа «Евгений Онегин» Татьяна «с послем испанским говорит». Послом Испании в реальной жизни был Хуан Мигель Паэс де ла Кадена, и на это указали комментаторы романа (Лотман, 1980, с. 355). Поэт записал пересказ послем одного из случаев с Наполеоном и отметил замечание испанца: «Господин Паэс, в то время секретарь

посольства в Париже, подтвердил мне [...] рассказ Бурьена. [...] Он видел, как Наполеон поднял руку, требуя слова... [...] Бонапарт был бледен (от гнева, отмечает Паэс)...» (Пушкин, 1997, т. 17, с. 210). Эта запись датируется 1832 годом. Л.А. Черейский, вслед за Ю.М. Лотманом, подтверждает дату, но добавляет, что Паэс де ла Кадена был в числе лиц, которым Пушкин планировал послать визитные карточки к новому 1830 году (Черейский, 1988, с. 324). Данный факт позволяет заключить, что предположение Лотмана о возможном знакомстве поэта с послом в 1832 году ошибочно.

Приведенные нами сведения доказывают, что Пушкин мог слышать названия испанских топонимов от посла Испании до создания последней главы романа, где он упомянут, и общение их происходило прежде времени создания пьесы о распутнике, задуманной в 1826-м, а написанной осенью 1830 года. Следует отметить и тот факт, что испанский посланник Паэс де ла Кадена был выходцем с юга Испании. Он родился в городе Санлукар-де-Баррамеда, это в провинции Кадис в Андалузии (Фернандес Санчес Х., 1991, с. 128). Жители юга Испании имеют особенности произношения, и Пушкин учитывал это при написании ряда названий, услышав их от испанского посла. Они могут быть объяснены именно тем, что поэт воспринимал названия на слух. Особенно близки, например, «Эскориал» и «Эскуриал».

Главный признак андалузского диалекта – редукция согласных, и в нем десять гласных звуков, а не пять, как в кастильском диалекте, являющемся классическим. К его особенностям относится также опущение «d» на конце слова.

Испанские названия были на слуху у поэта и при его общении с другом семьи вельможей Н.Б. Юсуповым (Черейский, 1988, с. 517). В

послании «К вельможе», созданном летом 1830 года, содержится особое название Севильи: «Севилла» (Пушкин, 1978, т. III, с. 471).

Если же анализировать письменное закрепление топонимов в русском языке, то сведения информационно-справочной системы показывают, что поэт использовал в пьесе написание слова «Мадрит», которое было принято в начале XIX века. Таково оно в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина, где, правда, важная для нас лексема обозначает название замка, а не столицы Испании (НКРЯ, Карамзин, 1988). Но Ф.П. Литке в «Дневнике, веденном во время кругосветного плавания на шлюпе “Камчатка”» (1817) употребляет уже название города: «... отправить в Мадрит несколько звонких доказательств заслуг своих...» (НКРЯ, Литке Ф.П., 1971).

Н.А. Полевой в произведении «Дурочка» пишет так же: «... Говори: в Испании какой главный город? – Мадрит! – закричало несколько голосов...» (НКРЯ, Полевой, 1839).

Пушкин в драме о Дон Жуане перенес действие из Севильи в Мадрид. Ситуация завязки его пьесы близка биографии поэта. Тайное возвращение из ссылки – мучительная мечта Пушкина 20-х годов, писала А. Ахматова. Она продолжала: «Оттого-то Пушкин и перенес действие из Севильи [...] в Мадрид: ему была нужна столица» (Ахматова, 1958, с. 187).

Подводя предварительный итог, следует сказать, что Пушкин учитывал традицию написания названий, но нередко воспринимал испанские слова на слух. В испанском языке в слове «Madrid» звук [dʰ] на конце слова является переднеязычным щелевым звонким, произносится ослаблено (Карповская, 2012, с. 27), аналога этому звуку нет в системе русского языка. В связи с этим Пушкин, как его

предшественники и современники, мог прибегнуть к субституции (замещение одного звука другим) и заменить [dʰ] на фонему [t]. Название el Escorial и одной из провинций Испании – Andalucía также претерпели субституцию: фонема [o] перешла в близкую по месту образованию [u], а переднеязычная межзубная щелевая глухая фонема [ç] – в близкую по способу и месту образования, парную по звонкости фонему [z].

Так в пьесе поэта появились строки:

Что за беда, хоть и узнают. Только б
Не встретился мне сам король. А впрочем,
Я никого в Мадрите не боюсь.

(Пушкин А.С., 1978, т. V, с. 316)

Здесь уверенность и упорство героя передано и фонетически: напряженным повтором звука ‘т’, поддержанным и подчеркнутым ярким для русского слуха и экзотическим для русского сознания словом, вновь его содержащим: «в Мадрите». Название приведено в строке, оконченной мужской рифмой и выражающей энергию героя.

Какие плечи! что за Геркулес!..

А сам покойник мал был и щедушен,
Здесь, став на цыпочки, не мог бы руку
До своего он носу дотянуть.
Когда за Эскурьялом мы сошлись,
Наткнулся мне на шпагу он и замер...

(Пушкин А.С., 1978, т. V, с. 332)

И вновь звукопись: ‘у’ проходит по всем строкам, подобно эху находя отклик в необычном слове «Эскурьялом» и развивая его

звуковую экспрессию в следующей строке. Название королевской резиденции приведено в стихе с мужской рифмой.

Что за земля! А небо?... точный дым.
А женщины? Да я не променяю,
Вот видишь ли, мой глупый Лепорелло,
Последней в Андалузии крестьянки
На первых тамошних красавиц — право.

(Пушкин А.С., 1978, т.V, с.317)

В этих стихах слово «Андалузии» корреспондирует со словом «земля» и приближено к образу того, что особенно ценно для героя. Мы видим усиленный контраст: в другой земле женщины плохи, а в Андалузии замечательны и крестьянки, даже последние, то есть бедные, неукрашенные, но – андалузские! Таково мастерство Пушкина, внимательного к звукам поэтической речи. Преобладание женских рифм делает ритм этих стихов более пластичным в унисон меняющимся впечатлениям героя.

Задачи изучения русского стиха, поставленные М.Л. Гаспаровым и предполагающие внимание к его языковой составляющей (Гаспаров, 2012, с. 11–23), объясняют важность осмысления стихов зрелого поэта. Пушкинский ямб, который в продолжение, впрочем, недолгого времени будет восприниматься как исчерпавший свои возможности, весьма далек от такой его характеристики. Стечения гласных и согласных, которыми обогащен стих, придают ему разнообразие, песенную свободу и выразительность. Иноязычные слова органичны в речи персонажа и выполняют значимую сюжетно-композиционную роль. Эти слова совмещают свойства двух языков и благодаря нюансам своего звучания создают ритмико-звуковой, интонационный

и оригинальный образный рисунок. Он соответствует специфике национального восприятия поэтического произведения как преисполненного содержательности и гармонических красот, обусловленных звуковыми повторами и ритмической экспрессивностью.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. АХМАТОВА, А.А., 1958: ««Каменный гость» Пушкина». *Пушкин: Исследования и материалы*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, Т.2.
2. БАГНО, В.Е., 2004 «Испанская литература. Дон Жуан». *Пушкин. Материалы и исследования*. Т. XVIII–XIX. СПб.: Наука.
3. ГАСПАРОВ, М.Л., 2012 *Избранные труды. Т. IV. Лингвистика стиха. Анализы и интерпретации*. М.: Языки славянской культуры.
4. КАРПОВСКАЯ Н.В, СЕМИКОВА М.Э, ШЕВЦОВА М.А., 2012: *Испанский язык для начинающих*. Ростов н/Д.: Логос.
5. ЛОТМАН Ю.М., 1980: *Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий*. Л.: Просвещение.
6. МОДЗАЛЕВСКИЙ Б.Л., 1910: *Библиотека Пушкина*. СПб.
7. НКРЯ - *Национальный корпус русского языка* (ruscorpora.ru).
8. ПУШКИН А.С., 1977–1979: *Полн. собр. соч.: в 10 т.* Л.: Наука.
9. ПУШКИН А.С., 1997: *Полн. собр. соч. Т. 17 (доп.)* М.: Воскресенье.
10. ФЕРНАНДЕС САНЧЕС Х., 1991: «Испанский знакомый Пушкина» (пер. с исп. В.Е. Багно). *Временник Пушкинской комиссии*. Вып. 24. СПб.: Наука.
11. ЧЕРЕЙСКИЙ Л.А., 1988: *Пушкин и его окружение*. Л.: Наука.